

«Четвертый элемент» Вячеслава Грунского

Известный телерепортер мечтает снимать истории про самых простых людей

Современные, телезрители привыкли к свежим новостным выпускам. Однако за оперативностью иногда теряется глубина подхода к тому или иному факту. Программа «Специальный корреспондент» на канале «Россия» создана в первую очередь для того, чтобы более подробно освещать различные стороны общественно-политической жизни. Мы беседуем с одним из «специальных корреспондентов» — журналистом программы Вячеславом Грунским.

— Вячеслав, вы среди тех журналистов, кто сделал себе имя благодаря своим расследованиям и репортажам. Но людей на телевидении огромное количество, а имен буквально единицы...

— Во-первых, я на телевидении уже не первый год. Во-вторых, я был корреспондентом новостей, и зрители могли видеть меня на экранах довольно часто. Кроме того, мне кажется, что зрители все же немного консервативны — привыкнув видеть во мне одного человека, они смотрят на мою работу и дальше так же, чем бы я ни занимался. Когда мы куда-нибудь приезжаем, то люди помнят меня, в первую очередь, именно как новостного репортера. Сейчас, как это ни удивительно, личность автора фильма сглаживается. Зачастую люди помнят сам фильм, но не того, кто его сделал. Бывало такое, что мне приходили письма с вопросами по фильмам, которые делал Аркадий Мамонтов, хотя нас трудно перепутать.

— К какому жанру вы относите то, что делаете?

— Вопрос сложный. Вообще таких программ немного. Смесь публицистики, документалистики, репортажа — многие до сих пор не определились, какой это жанр. Для меня это телепублицистика.

— Чья репортерская школа вам ближе?

— В то время, когда я начинал работать (а это был конец 1980-х — начало 1990-х годов), классической репортерской школы просто не существовало. Был, грубо говоря, советский репортаж «с полей». Только-только появлялась передача Невзорова «600 секунд», авторы которой начинали понимать, как надо интересно показывать то или иное событие. Нам приходилось все осваивать самим, буквально придумывая на ходу. Мне отчасти повезло в том, что одной из моих первых командировок была поездка в Югославию, где я мог увидеть, как работают западные репортеры. Вот именно тогда и заложились основы профессии.

— То есть можно сказать, что все репортеры вашего возраста — самоучки?

— Каким-то основным вещам нас, конечно, учили на факультете журналистики, однако особый авторский стиль каждый из нас выработывал, конечно, сам и гораздо позже. Кроме того, своим учителем я, конечно же, считаю Олега Добродеева.

— Как у вас складываются отношения с коллегами? Бывает такое, что вы завидуете, когда видите, что кто-то из них сделал хороший репортаж?

— Нет-нет, никогда. Вообще профессиональная ревность, на мой взгляд, это удел слабых репортеров. Когда смотришь интересную работу коллеги, то и сам чему-то учишься. В журналистике, как практически и в любой профессии, нельзя останавливаться, так как приходят новые формы подачи информации, и, если хочешь остаться на плаву, это обязательно надо учиться, в том числе и у коллег. Когда смотришь работы других журналистов, нет ни чувства радости, ни чувства ревности, а есть просто объективная оценка.

— Как вы оцениваете работу журналистов НТВ, они ведь ваши конкуренты со своей передачей «Профессия — репортер»?

— Все, что я только что говорил, в большей степени относится к ним, а не к Хабарову или Мамонтову. По большому счету, я не считаю ребят с НТВ конкурентами, потому что, как бы пафосно это ни звучало, мы просто делаем одну работу. Я их смотрю с интересом, тем более что я и сам работал в этой программе на НТВ.

— Почему вы ушли?

— Я не хотел бы поднимать эту тему...

— Вы были во многих «горячих точках», это наверняка страшно?

Никогда не подставляю оператора. Они и так рискуют жизнью больше нас.

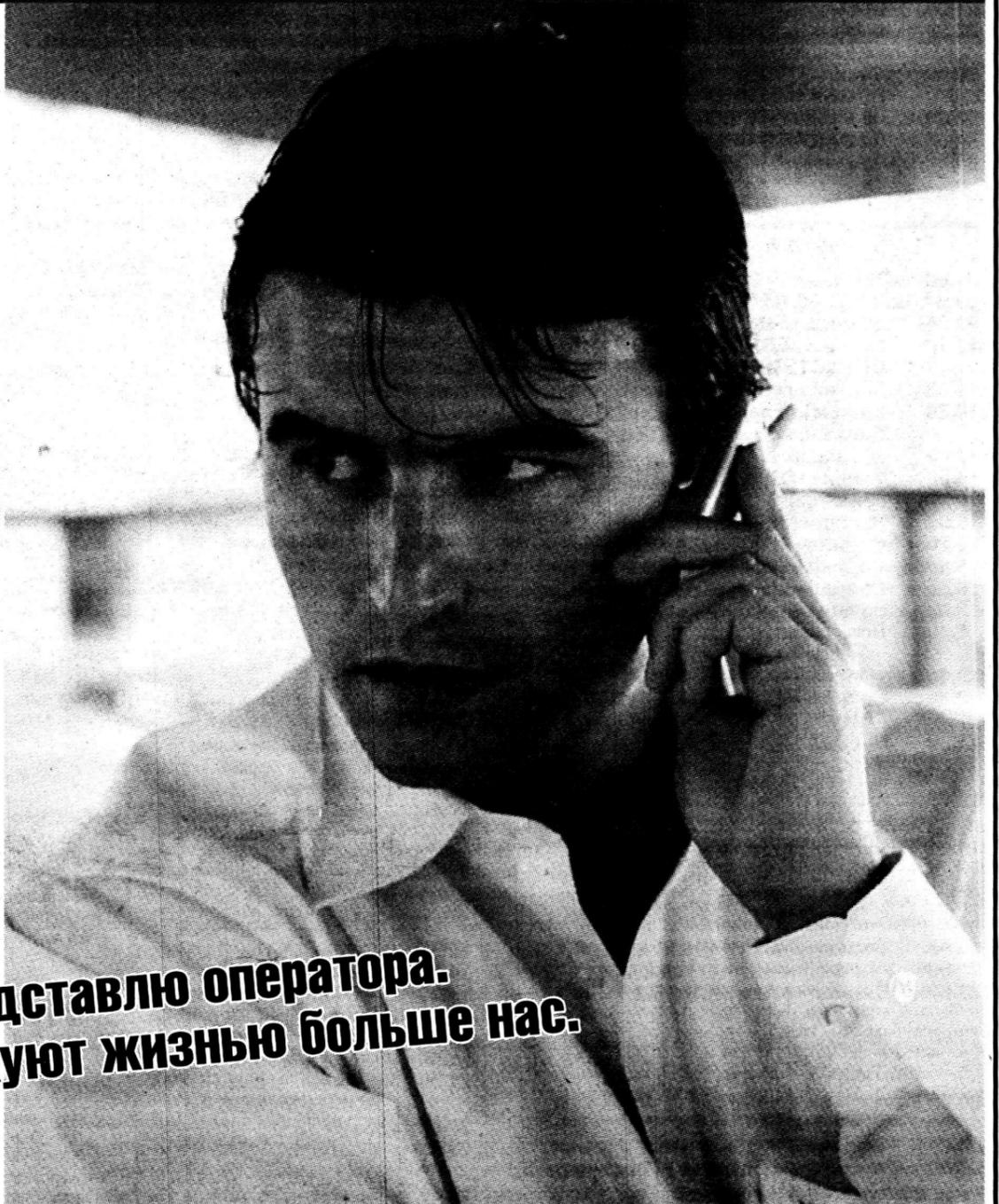
— Раньше не было страшно, а сейчас становится все страшнее. Задор остался, но только сейчас понимаешь, насколько все это опасно, хотя теперь я нечасто бываю в таких местах.

— Где у журналиста в таких ситуациях некий страховый барьер? Что вы никогда не сделаете даже ради самого лучшего репортажа?

— Только одно — никогда не подставлю оператора. Они и так рискуют жизнью больше нас.

— Что входит в «джентльменский набор» репортера в «горячей точке»?

— «Набор» этот очень прост: ручка и побольше еды. Помню, во время первой чеченской кампании мы не позаботились об этом, и нашей съемочной группе пришлось питаться одними

мандаринами, которые нам завозили ящиками.

— Какое задание было самым опасным и интересным?

— Наверное, первое, когда я буквально по туристическим картам добирался в Сараево, куда в тот момент входил российский батальон. Кроме нас, отечественных журналистов не было. Это было в 1994 году.

— Сейчас вы меньше стали бывать в «горячих точках». Не жалеете об этом, не хочется снова поглотить адреналин?

— Время от времени я его все же получаю. Например, мы делали фильм о Французском легионе. Ездили в Латинскую Америку, во французскую Гвиану, жили в лагере с легионерами, вместе с ними проходили школу голодания, препятствия, так что экстрима нам вполне хватает.

— У вас есть профессиональная мечта — снять какой-то определенный репортаж?

— Я думаю о более глобальных вещах. Сейчас телевидение идет по од-

ному пути. Социологи определили, что молодым людям интересны буквально три темы: насилие, секс и вандализм, то есть подглядывание, на котором построены все реалити-шоу. Пожилых интересует совсем другое. Так вот, мне хотелось бы найти, условно говоря, общую, четвертую тему, которая увлекла бы и подростка, и его старого дедушку. Хочется снимать истории про простых людей. Но пока я все ишу этот «четвертый элемент».

Артем СКОРОПАДСКИЙ.